

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

К. Савада

Государственный университет Сайтама (Япония)

«ЗАПЕРТОЙ ЛАРЕЦ С ПОТЕРЯННЫМ КЛЮЧОМ»: И.А. ГОНЧАРОВ В ЯПОНИИ

В 1853 году И.А. Гончаров прибыл на фрегате «Паллада» в порт Нагасаки, самый западный город Японии, в качестве секретаря при адмирале Е.В. Путятине, который был направлен для установления торговых отношений с Японией и определения границы между обеими странами на Сахалине. Двое японских полномочных и их свита на пути из Эдо (старое название Токио) и во время переговоров, длившихся в Нагасаки почти месяц, вели дневники. В предлагаемой статье я рассмотрел ряд вопросов. Во-первых, то, какое впечатление произвел Гончаров на японских полномочных и как его роль в ходе переговоров освещалась в японских источниках. Во-вторых, при сопоставлении очерков Гончарова «Фрегат “Паллада”» и «Всеподданнейшего отчета» Путятин я попытался проследить процесс переговоров с точки зрения обеих сторон.

Ключевые слова: Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; Путятин; Япония; японцы.

К. Sawada

«Locked Chest with a Lost Key»: I.A. Goncharov in Japan

In 1853 I.A. Goncharov on board the frigate «Pallas» visited Nagasaki, a western city in Japan, as secretary of the admiral E.V. Putiatin, who was dispatched to Japan in order to establish commercial relations and delimit the border line between two countries on the Island of Sakhalin. Two Japanese plenipotentiaries and their retinue kept diaries on their way from Edo (old name of Tokio) and during negotiations, which lasted in Nagasaki about a month. In this article I examined set of questions. First, what were impressions made by Goncharov upon Japanese pleni-

potentiaries, and how his role in the course of negotiations was reported in Japanese historical sources. Second, by comparing the travel sketch «Frigate “Pallas”» by Goncharov and «The Loyal Report» by Putiatin with above-mentioned diaries, I tried to trace the process of negotiations from the viewpoint of both countries.

Keywords: Goncharov; «Frigate “Pallas”»; Putiatin; Japan; Japanese.

1

И.А. Гончаров прибыл 10-го августа 1853 года¹ на фрегате «Паллада» в порт Нагасаки, самый западный город Японии, в качестве секретаря при адмирале Е.В. Путятине, который был послан для установления торговых отношений и определения границы между обеими странами на Сахалине. Месяцем ранее «черные корабли» Соединенных штатов Америки во главе с коммодором М.К. Перри прибыли в Японию с целью открытия страны, что вызвало переполох у японцев, живших в закрытой стране более 200 лет. Появление русских кораблей тоже их испугало. Японское правительство от начала до конца затягивало и усложняло переговоры с русским посольством. Правительство сёгуна приняло официальное послание русского канцлера и министра иностранных дел К.В. Нессельроде безо всякого энтузиазма и в течение трех месяцев не давало на него ответа. Только в конце 1853 года из Эдо (старое название Токио), столицы Японии, в Нагасаки прибыло четверо полномочных. 7-го января 1854 года начались реальные переговоры. Эти переговоры, однако, оказались, по сути дела, безрезультатными. Японская делегация обещала русскому посольству только предоставление в дальнейшем права наибольшего благоприятствования в торговле.

2

Двое японских полномочных и их свита по пути из Эдо и во время переговоров, длившихся в Нагасаки почти месяц, вели дневники, которые в настоящее время опубликованы.

¹ Все даты приводятся по старому стилю.

Рис. 1. Переговоры русского посольства с японскими полномочными

Кавадзи Тосиакира² (1801–1868), родившийся в семье мелкого чиновника, благодаря природным дарованиям и большому трудолюбию, быстро поднялся по служебной лестнице и в 1852 году занял самый высокий чиновничий пост — «кандзё бугё», т. е. главного управляющего финансами. Эта должность, вопреки своему названию, включала в себя и юридические функции административного управления. Над ним было только несколько старейшин — знатных потомственных феодалов. Главой полномочных был назначен Цуцую Масанори (1778–1859), а Кавадзи был вторым лицом среди полномочных. Но поскольку Цуцую было более 75 лет, Кавадзи считался главным в японской делегации. В 1868 году он, будучи верным правительству сёгуна, застрелился одновременно с окончательным падением последнего: Кавадзи был парализован и потому не смог совершить «харакири», которое ему предписывал долг.

² В настоящей статье принят японский порядок написания: на первом месте фамилия, на втором — имя.

Рис. 2. Кавадзи Тосиакира

Кавадзи не раз упоминается во «Фрегате «Паллада»», и можно сказать, что Гончаров относился к нему с явной симпатией. Так, Гончаров писал: «Он [Кавадзи] был очень умен, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что ум свой он обнаруживал искусной диалектикой против нас же самих. Но каждое слово его, взгляд, даже манеры — всё обличало здравый ум, остроумие, пронырливость и опытность. Ум везде одинаков: у умных людей есть одни общие признаки, как и у всех дураков, несмотря на различие наций, одежд, языка, религий, даже взгляда на жизнь». И далее: «Мне нравилось, как Кавадзи, опершись на богатый веер, смотрел и слушал, когда речь обращена была к нему. До половины речи рот его был полуоткрыт, взгляд немного озабочен — признаки напряженного внимания. На лбу, в меняющихся узорах легких морщин, заметно отражалось, как собирались в голове у него, одно за другим, понятия и как формировался из них общий смысл того, что ему говорили. После половины речи, когда, по-видимому, он схватывал главный смысл ее, рот у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо светлело: он знал уже, что

отвечать. Если вопрос противной стороны заключал в себе, кроме сказанного, еще другой, скрытый смысл, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда он сам начинал говорить и говорил долго, он весь был в своей мысли, и тогда в глазах прямо светился ум. Если говорил старик [Цуцуи], Кавадзи потуплял глаза и не смотрел на старика, как будто не его дело, но живая игра складок на лбу и содрогание век и ресниц показывали, что он слушал его еще больше, нежели нас. Переговоры все, по-видимому, были возложены на него, Кавадзи, а Тсутсуй был послан так, больше для значения и, может быть, тоже по своему приятному характеру» [3: с. 481–482].

Во время путешествия и переговоров Кавадзи вел «Нагасакский дневник». Это очень интересные, не чуждые юмора записи, которые украшают более чем 20 «танка» (японские пятистишия) и 10 «канси» (стихотворения на китайском языке). Для Кавадзи дневник — это письма, в которых он сообщает своим домашним и подданным новости и впечатления от дороги и пребывания в Нагасаки (они тоже писали ему).

В «Нагасакском дневнике» семь раз упоминается Гончаров. Например: «Гончаров, хотя без официального чина, служит секретарем, всегда сидит возле посла и вмешивается в разговор. Выглядит главным советником. Посьет и Гончаров угощали нас на корабле, наливая вино и подавая еду» [5: с. 93]³. Обратим внимание на то, что Кавадзи называет Гончарова «главным советником», в других местах — «тактиком». Из приведенной цитаты узнаем, что Гончаров в качестве «правой руки» Путятин активно участвовал в переговорах, что никак не отражено в путевых очерках писателя. В другом месте Кавадзи пишет: «Тактик [Гончаров] увидел мой веер и похвалил его. Тогда я подал ему этот веер, и он через переводчика стал благодарить меня за столь драгоценный подарок, которого еще минуту назад касались мои руки. Затем, пошарив в кармане, он вытащил свои часы, снял с них цепочку и подарил ее мне. Я был вынужден принять ее, поскольку, как я ни отказывался, он и слушать ничего не хотел. Потом он взял мои

³ Здесь и далее перевод всех японских источников выполнен автором статьи.

часы, бедности которых я очень стыдился, и оснастил их цепочкой» [5: с. 99].

Во «Фрегате “Паллада”» этот же эпизод, произошедший во время ответного визита японских полномочных на русское судно 20-го января, описан несколько иначе: «За обедом я взял на минуту веер из рук Кавадзи посмотреть: простой, пальмового дерева, обтянутый бумажкой. Я хотел отдать ему назад, но он просил знаками удержаться у себя “на память”, как перевел Эйноске слова его. Я поблагодарил, но, не желая оставаться в долгу, отвинтил золотую цепочку от своих часов и подал ему. Он на минуту остановился, выслушал переведенное ему мое приветствие и сказал, что благодарит и принимает мой подарок. Потом вышел из-за стола и что-то шепнул Эйноске. Это вот что: Кавадзи и Тсутсуй приготовили мне и Посьету по два ящика с трубками в подарок. Приняв от меня золотую цепочку, он, вероятно, нашел, что подарок его слишком ничтожен» [3: с. 488].

Обратимся опять к дневнику Кавадзи: «Когда мы предложили еще одну чашку риса или чашечку сакэ⁴, русский переводчик сказал, что японцы будут смеяться над прожорливостью русских. Тактика можно назвать шутником и остроловом: он казался немного пьяным и жестикулировал, показывая, что совсем сыт: сначала поднял руку к горлу, потом к голове, а затем совсем высоко и кивнул головой. (Это означало, что он сыт не только по горло, но по голову, не только по голову, а больше, как будто навалили над головой.) Все дружно расхохотались» [5: с. 103–104].

Об этих подробностях прощального банкета, данного японскими полномочными 23-го января, накануне ухода русской флотилии, Гончаров умалчивает в своем произведении. Писатель, должно быть, находился в хорошем настроении: скучные переговоры с японцами подошли к концу, и можно было возвращаться домой в Россию. Как известно, русская эскадра с началом Крымской войны оказалась в трудных обстоятельствах: в любой момент могли произойти столкновения с превосходившими их силой английскими и французскими флотилиями.

⁴ Японский рисовый напиток.

3

Другим полномочным был Кога Кинъитиро (1816–1884) — известный в то время ученый-конфуцианец. Вместе с тем, признавая прогрессивность и рационализм европейской культуры, он старался ее усвоить. Среди четырех полномочных Кога занимал самую низкую должность консультанта в японской делегации. Он набросал проект ответного послания сёгуната на официальное послание Нессельроде. Можно сказать, что роль Кога почти соответствовала роли Гончарова в русской делегации.

Рис. 3. Кога Кинъитиро

Кога тоже описывается в путевых очерках писателя: «Четвертый [Кога] — средних лет; у этого было очень обыкновенное лицо, каких много, не выражающее ничего, как лопата. На таких лицах можно сразу прочесть, что, кроме ежедневных будничных забот, они о другом думают мало» [3: с. 456]. И далее: «Они [японцы] с удовольствием ели баранину, особенно четвертый полномочный. Кончив тарелку, он подал ее человеку сам: знак, что желает повторения <...> Пили они [японцы] умеренно. Они пробовали с большим любопытством вино, отпивая понемногу, но бокала не доканчивали, кроме, однако ж, четвертого полномочного, мужчины рос-

лого и полного. Тот выпил бокала четыре» [3: с. 474]. В последней цитате отражена реализация собственных принципов Кога. Он пишет в дневнике: «Поэзия, вино и развлечение — все это тоже официальные дела» [6: с. 354]. Почему-то Гончаров относится к Кога довольно строго, а порой даже недоброжелательно.

Кога тоже вел «Дневник командировки на запад», где три раза упоминается Гончаров. Например: «Главный советник, зовут Гончаров, брюхастый варвар, называют так, потому что у него большой живот» [6: с. 244]. Определение «брухастый варвар» комично. Примечательно в этой связи, что за четыре месяца до описываемых обстоятельств сам Гончаров писал Е.П. и Н.А. Майковым: «Что Вам сказать о себе — нечего, разве что я чудовищно потолстел, что иногда бываю так болен своею печенью, что теряю надежду даже воротиться. Недавно такая боль около печени и сердца и вместе такая тоска одолела, что я опасался слечь» [2: с. 676].

Следует отметить, что все японские полномочные считали Гончарова «главным советником».

4

Дальше я попытаюсь проследить ход переговоров по русским и японским источникам.

После трехмесячного безрезультатного пребывания в Нагасаки русские корабли ушли в Шанхай, чтобы пополнить запасы топлива и провизии и собрать сведения о ходе Крымской войны. По японским источникам, этот уход в Шанхай сильно повлиял на путешествие полномочных: те, узнав об уходе русских, остановились в пути на два дня, обсуждая, продолжать ли им путешествие. Но, узнав о возвращении русской эскадры 24-го декабря, заспешили и спустя трое суток, даже не задерживаясь на ночлег, прибыли в Нагасаки. И Кавадзи, и Кубота Мосуй (1817–1877), ученик и сопровождающее Кога лицо, были очень утомлены переходом в 1500 километров, пройденным за 40 дней. Несмотря на то, что нагасакский губернатор откровенно и подробно рассказал русскому послу о трудностях пути, тот ему не поверил и угрожал, что сам отправится в Эдо, если полномочные не придут в бли-

жайшее время. «Фрегат “Паллада”» Гончарова и «Всепогоднейший отчет» Путятина свидетельствуют, что русские понимали обстановку неправильно, хотя их раздражение можно объяснить волокитой, с которой они часто сталкивались в Нагасаки.

Рис. 4. Портрет Путятина, написанный Эгоси Айкитиро, одним из свиты Кога

31-го декабря в официальной резиденции губернатора состоялась первая встреча, после которой был подан обед. У Гончарова читаем об этом: «После обеда подали чай с каким-то оригинальным запахом; гляжу: на дне гвоздичная головка — какое варварство, и еще в стране чая!» [3: с. 464]. Это заблуждение писателя: гвоздичная головка в чае в Японии считается счастливым предзнаменованием, и в данном случае она была положена именно с этим намерением.

3-го января 1854 года японские полномочные в свою очередь посетили «Палладу». Это было, как пишет Гончаров, вообще первое посещение иностранного корабля японцами. Русские с большим усердием занимались приготовлениями к встрече японцев на фрегате: «Мы занялись приготовлениями к встрече невиданных на европейских судах гостей. Сколько возни, хлопот, соображений истратилось в эти два дня!» [3: с. 467].

Однако по дневникам Кавадзи, Кога, Кубота и Сэндзю Дайносуке (1815–1878), приближенного удельного князя земли Сага, видно, что приглашение было принято с опасениями, что «Паллада» снимется с якоря и увезет их за границу. Сэндзю записал, что Кога заранее наточил свою тупую саблю [7: с. 15]⁵. А судя по «Всепоподданнейшему отчету» Путятина, русские не заметили и не поняли той настороженности, которую испытывали японцы: «<...> они [полномочные] не только беспрекословно, но с видимым удовольствием приняли мое приглашение посетить фрегат» [1: с. 58].

На банкете того же дня и русские, и японцы здорово повеселились. Гончаров замечает, что Кавадзи начал говорить о женщинах: «Только один из них [японцев], Кавадзи, на минуту придержался японского обычая. Подали какое-то жидкое пирожное, вроде крема, с бисквитами: он попробовал, должно быть, ему понравилось; он вынул из кармана бумажку, переложил в нее все, что осталось на тарелке, стиснул и спрятал за пазуху. “Не подумайте, что я беру это для какой-нибудь красавицы, — заметил он. — Нет, это для своих подчиненных”». И далее: «При этом случае разговор незаметно перешел к женщинам. Японцы впали было в легкий цинизм. Они, как все азиатские народы, преданы чувствительности, не скрывают и не преследуют этой слабости» [3: с. 474].

Трудно сказать, насколько верно это наблюдение писателя, но о том же самом случае сам Кавадзи писал несколько иначе: «Их [русских] гостеприимство удивительно в самом деле. Так как я раньше слышал, что иностранцы радуются до слез раз-

⁵ «Сэйтэй» — псевдоним Сэндзю.

говорам о своих женах, я сказал, что не могу забыть или не вспоминать мою жену-красавицу, оспаривающую первое место по красоте во всей столице. Русские очень обрадовались этой теме и рассмеялись. Посол сказал, что его родина находится еще дальше моей, своей жены он не видел гораздо дольше, чем я, и просил меня посочувствовать ему» [5: с. 72].

Таким образом, что касается разговора о женщинах, обе стороны стараются «свалить вину» друг на друга.

Дальше Гончаров пишет: «Назначать время свидания предоставлено было адмиралу. Один раз он назначил через два дня, но, к удивлению нашему, японцы просили назначить раньше, то есть на другой день. Дело в том, что Кавадзи хотелось в Эдо, к своей супруге, и он торопил переговорами. “Тело здесь, а душа в Эдо”, — говорил он не раз» [3: с. 481].

Однако в защиту Кавадзи надо сказать, что истинная причина спешки заключалась не в его личных интересах, а в тактике японской делегации: не давать русскому посольству времени на размышления и быстрее закончить переговоры. Кога записал в дневнике: «Не желая успеха, мы торопим переговоры» [6: с. 252].

Приведу теперь те места, которые свидетельствуют о проницательности Гончарова. Например: «По их [японцев] словам, сиогун умер 14 августа, а мы пришли 10-го. Может быть, он умер и в прошлом году, а они сказали, что теперь, в надежде, не уйдем ли. Поверить им трудно: они, может быть, и от своих скрывают такой случай, по крайней мере долго» [3: с. 379].

Двенадцатый сёгун династии Токугава Иёси (1793–1853) скончался 15-го июля 1853 года. Нагасакский губернатор сообщил русскому посольству о его смерти 6-го октября, то есть через два месяца после прибытия русской эскадры в Нагасаки. Проницательный взгляд Гончарова разгадал сущность позиции японцев: японское правительство боялось, что, узнав о смерти сёгуна, иностранные державы воспользуются безвластием и беспомощностью Японии, а собственный народ будет смятен и потрясен кончиной правителя. Поэтому внутри страны о кончине оповестили только через месяц, 14-го августа.

5

Во «Фрегате “Паллада”» Гончаров неоднократно возвращается к образу «спящих» Японии и японцев. Обращает на себя внимание то, как часто употребляются слова «сон», «сонный», «спать» и т. п. Например: «Но с странным чувством смотрю я на эти игриво созданные, смеющиеся берега: неприятно видеть этот сон, отсутствие движения» [3: с. 321]. Или: «Стоят на ногах они [японцы] неукложе, опустившись корпусом на колени, и большею частью смотрят сонно, вяло: видно, что их ничто не волнует, что нет в этой массе людей постоянной идеи и цели, какая должна быть в мыслящей толпе, что они едят, спят и больше ничего не делают, что привыкли к этой жизни и любят ее <...> Нет оживленного взгляда, смелого выражения, живого любопытства, бойкости — всего, чем так сознательно владеет европеец» [3: с. 335].

Вместе с тем Гончаров метко улавливает и редкое «пробуждение» Японии. Это именно Кавадзи и такие молодые переводчики, владеющие голландским языком, как Нарабайоси⁶, Эйноске и Съоза⁷. Гончаров писал: «Из разговоров, из обнаруживаемой по временам зависти, с какою глядят на нас и на все европейское Эйноске, Съоза, Нарабайоси 2-й, видно, что они чувствуют и сознают свое положение, грустят и представляют немую, покорную оппозицию: это *jeune Japon* [молодая Япония]» [3: с. 377].

⁶ Во «Фрегате “Паллада”» выступают два переводчика с голландского, носящие эту фамилию. По всей вероятности, одним из них был Нарабаяси Тэйитиро (1819–1862), а другим — Нарабаяси Эйдзаэмон (1830–1860). Первый представлял девятое поколение из знатного дома Нарабаяси; в 1848 году он стал младшим переводчиком, а в 1859 году — старшим переводчиком. Эйдзаэмон представлял четвертое поколение переводчиков из боковой ветви рода Нарабаяси; в 1853 году стал младшим переводчиком, а в 1857 году — старшим переводчиком; принимал участие в переговорах с М.К. Перри.

⁷ Имеется в виду Мотоки Сёдзо (1824–1875), представлявший шестое поколение переводчиков с голландского языка из дома Мотоки; в 1853 году он стал младшим переводчиком. В 1853–1854 годах Сёдзо был переводчиком во время переговоров с Перри и с Путятиным в Нагасаки и Симода, а в селении Хеда принимал участие в сооружении русской шхуны. Позже Сёдзо построил первый в Японии железнодорожный мост в Нагасаки. Он является также основателем шрифтового печатания в Японии.

Это сопоставление «сна» и «пробуждения» постоянно встречается в произведениях Гончарова. Это, другими словами, сопоставление Азии и Европы, Востока и Запада. А особенность двух глав «Русские в Японии» заключается в том, что сам автор ратует за «пробуждение» и смотрит свысока, с точки зрения западной передовой страны, на восточный «запертой ларец, с потерянным ключом» [3: с. 314].

6

Первым представителем «jeune Japon» является Эйноске, то есть старший переводчик (oppertolk) Морияма Эйносукэ (1820–1871). Японские переводчики, владеющие голландским языком, появились в начале XVII века. В этих семьях сыновья наследовали профессию отца, и таких семей было около 30. Переводчики подчинялись нагасакскому губернатору, и в последние годы сёгуната их было уже человек 140. Переводчики, состоявшие в должностях «старшего» и «младшего» (ondertolk) переводчика, занимали центральное положение, но на эти две должности назначалось только по четыре человека, а остальные занимали должности «кандидата в переводчики» (leer ling) и «переводчика со свободной практикой» (particuliere tolk). Эйносукэ владел, кроме голландского, английским языком. Он был одним из ведущих переводчиков в дипломатических переговорах в последние годы правления сёгуната. В 1862–1863 годах Эйносукэ посетил Англию, Голландию, Германию, Россию, Португалию и Францию в качестве переводчика японской делегации, направленной в Европу для переговоров об отсрочке открытия японских городов и портов.

Во время переговоров слова Цуцую переводил Кичибе, а слова Кавадзи, фактического главы японской делегации, — Эйносукэ. Кавадзи высоко оценивал способности своего переводчика: «Эйносукэ — очень способный человек, отлично переводит, он переводит голландские книги так, как будто пишет письмо» [5: с. 50].

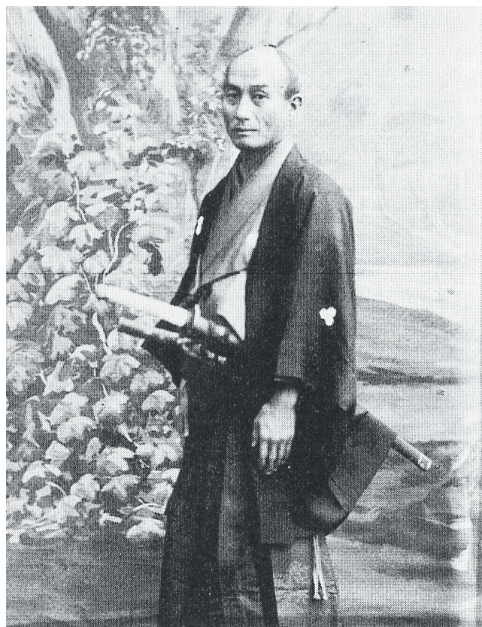

Рис. 5. Морияма Эйносукэ

Гончаров неоднократно упоминает об Эйносукэ, но он в своей оценке Эйносукэ расходится с Кавадзи. Писатель, признавая талант Эйносукэ, относится к нему с антипатией: «Противнее всех вел себя Эйноске. Он был переводчиком при Кавадзи и потому переводил важнейшую часть переговоров. Он зазнался, едва слушал других полномочных; когда Кавадзи не было, он сидел на стуле развалившись. Вообще не скрывал, что он вырос, и под конец переговоров вел себя гораздо хуже, нежели в начале. Он не прочь и покутить: часто просил шампанского и один раз, при Накамуре⁸, так напился с четырех бокалов, что вздумал было рассуждать сам, не переводить того, что ему говорили; но ему сказали, что возьмут другого переводчика» [3: с. 485].

Резкий контраст Эйносукэ представляет Кичибе, то есть также старший переводчик Ниси Кичибэй (1812–1855). Кичибэй представлял 11-е поколение переводчиков с голландского языка

⁸ Накамура Тамэя — старший чиновник, первый в свите Кавадзи.

из дома Ниси. В 1832 году он принимал участие в составлении самого полного в то время «Голландско-японского словаря»; в 1848 году стал старшим переводчиком. Кичибэй работал переводчиком при прибытии голландского, французского, американского и русского кораблей в Японию. В «Нагасакском дневнике» Кавадзи есть интересное описание: «Кичибэй умом уступает Эйносукэ, но говорят, что в последнее время редко встретишь такого способного переводчика. Эйносукэ — ученик Кичибэя. Кичибэй добрый, не любит ссориться. Он больше всех оказывает внимания Эйносукэ и старается остаться в тени, уступая тому все заслуги. Кичибэй очень радуется, когда Эйносукэ пользуется благоволением. Он говорит, что близок к Эйносукэ, но никогда не называет его своим учеником. Эйносукэ часто говорит, что в 8 лет поступил в ученики к Кичибэю. Все это мелочи, но так вести себя крайне трудно» [4: с. 96–97].

Кичибэй тоже нередко упоминается во «Фрегате “Паллада”». В описании Гончарова нет ни слова о способном чиновнике. Напротив, этот японец, ровесник писателя, в противоположность Эйносукэ олицетворяет «сон». Кичибэй признается: «Я люблю ничего не делать, лежать на боку» [3: с. 389]. Его можно назвать «японским Обломовым». Да и пишет о нем Гончаров с неизменным юмором, а подтрунивание лишено язвительности: «Кичибэ не забывался: он показывал зубы, сидел в уголку и хихикал на все стороны. “Хи!” — откликнулся он, быстро оборачиваясь то к тому, то к другому японцу, когда кликали “Кичибэ!”». “Кичибэ!” — кликнул я однажды в шутку. “Хи!” — отозвался он на мою сторону и пополз ко мне, увидев ошибку, добродушно засмеялся и пополз назад» [3: с. 485]. Это «добродушие» как раз и совпадает с характеристикой в дневнике Кавадзи.

Итак, можно сказать, что образы Эйносукэ и Кичибэй являют собой еще один пример сопоставления «ума» и «сердца», которое Гончаров представил уже в «Обыкновенной истории» и затем использовал в последующих произведениях.

Литература

1. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай. 1852–1855 // Морской сборник. [СПб.], 1856. № 10. Отд. 2.
2. *Гончаров И.А.* Письмо Е.П. и Н.А. Майковым. Нагасаки, 16/27 сентября 1853 г. // Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: в II т. Т. II. Л.: Наука, 1986. С. 676.
3. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада» // Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 747 с.
4. *Кавадзи Тосиакира.* Нагасакский дневник // Сборник древних актов Японии: Документы о внешних сношениях в последние годы правительства сёгуна. Приложения: на яп. яз. Т. 1. Токио: Историографический институт Токийского императорского университета, 1913.
5. *Кавадзи Тосиакира.* Нагасакский дневник. Симодский дневник: на яп. яз. Токио: Хэйбонша, 1986.
6. *Кога Кинъитиро.* Дневник командировки на Запад // Сборник древних актов Японии: Документы о внешних сношениях в последние годы правительства сёгуна. Приложения: на яп. яз. Т. 1. Токио: Историографический институт Токийского императорского университета, 1913.
7. *Сугитани Акира.* По поводу «Личных записок Сэйтэя» // Собрание исторических источников в последние годы правительства сёгуна и в эпоху реставрации Мэйдзи: на яп. яз. Токио: Даитихоки-сюппан, 1991.

References

1. Vsepoddannejšij otchet general-ad'yutanta grafa Putyatina o plavanii otryada voenny'x sudov nashix v Yaponiyu i Kitaj. 1852–1855 // Morskoy sbornik. [SPb.], 1856. № 10. Otd. 2.
2. *Goncharov I.A.* Pis'mo E.P. i N.A. Majkovy'm. Nagasaki, 16/27 sentyabrya 1853 g. // Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviya: v II t. T. II. L.: Nauka, 1986. S. 676.
3. *Goncharov I.A.* Fregat «Pallada» // Goncharov I.A. Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 2. SPb.: Nauka, 1997. 747 s.
4. *Kavadzi Tosiakira.* Nagasakskij dnevnik // Sbornik drevnix aktov Yaponii: Dokumenty' o vneshnix snosheniyax v poslednie gody' pravitel'stva syoguna. Prilozheniya: na yap. yaz. T. 1. Tokio: Istoriograficheskij institut Tokijskogo imperatorskogo universiteta, 1913.
5. *Kavadzi Tosiakira.* Nagasakskij dnevnik. Simodskij dnevnik: na yap. yaz. Tokio: Xe'jbonsha, 1986.

6. *Koga Kin'itiro*. Dnevnik komandirovki na Zapad // Sbornik drevnix aktov Yaponii: Dokumenty' o vneshnix snosheniyax v poslednie gody' pravitel'stva syoguna. Prilozheniya: na yap. yaz. T. 1. Tokio: Istorio-graficheskij institut Tokijskogo imperatorskogo universiteta, 1913.

7. *Sugitani Akira*. Po povodu «Lichny'x zapisok Se'jte'ya» // Sobranie istoricheskix istochnikov v poslednie gody' pravitel'stva syoguna i v e'poxu restavracii Me'jdzi: na yap. yaz. Tokio: Daiitixoki-syuppan, 1991.